

Заместитель главы шахты удивлённо вскинул брови. Не каждый день сюда приезжает сам принц, тем более, чтобы забрать каких-то нищих: – «Господин, Вам придётся подождать, поиски могут занять некоторое время.» – произнес он с сожалением.

«Я не тороплюсь.» – с королевским достоинством кивнул Сруль.

Майри отдал распоряжение принести документы о поставках рабов полугодичной давности с детальным отчетом за каждый месяц. Вскоре в кабинет завезли на тележке огромную кипу бумаг.

Мужчина утомлённо вздохнул. Учитывая то, что в трёх шахтах работают более 10.000 рабов, и каждый месяц завозят до тысячи новых, поиски могут затянуться до самого вечера. Так он думал, пока беглым взглядом не наткнулся на женское имя.

«А? Женщина в шахте? Кто это допустил?» – сердито пробормотал Майри, пока не увидел приложенную высокоранговую печать Грандов и пометку “пожизненно”, означающую, что женщине запрещается даже выкупить себе свободу. К тому же обычно поставки рабов приходят в первых числах месяца, однако в документе писалось о второй неделе.

Содержание этой записи заставило сердце Кёна пропустить удар. – {Лидия Остаповна... Она – моя мама! Я чувствую!} – он сразу же взял следующий документ. – {Остап Петрович!} – в душе разлилась необъяснимая печаль. От желания встретиться с родителями и нахлынувших чувств зашипало в глазах.

К слову, у обычных людей нет фамилии. Дети получают имя и отчество, а жены носят свое имя от рождения и родовое наименование, дающееся по имени мужа сразу после свадьбы. Так обособляется семейство, где глава – мужчина.

«Это они... Я отправляюсь за ними.» – сказал Кён нарочито спокойным тоном, с трудом сдерживая нетерпеливую дрожь.

«О... Рад был... помочь! Я отдам приказ, и вас там встретят. Вторая шахта расположена в семидесяти километрах отсюда. Вам показать путь?» – угодливо предложил Майри.

«Не стоит.» – парень, крепко вцепившись в полученные бумаги, стремительно покинул кабинет. Когда-то Мартин удалил Кёна из базы данных, что сыграло ему на руку: пронырливые недруги могли бы найти его по редкому имени.

Лавр покинул первую шахту и на быстром породистом скакуне отправился во вторую. Погода портилась, приближался дождь. Успокоиться не получалось. Душа горела желанием встречи.

Через полчаса парень прибыл во вторую шахту. Сопровождающие проводили его в гостиную третьего сектора, где гостя встретил рослый одноглазый лидер (обладатель 1-го ранга среди

рабов) с внешностью типичного бандита. Курту приказали ожидать крайне авторитетного гостя, чтобы помочь с поиском двух подчинённых. По бокам от здоровяка стояли два прихвостня такой же комплекции.

«Я ищу Остапа и Лидию. Проводи меня к ним.» – срывающимся голосом потребовал Кён.

Курт ощутимо напрягся, даже побледнел: «Господин...»

Кёна захлестнуло нехорошее предчувствие. Он покачнулся, чуть не упав.

«Господин... Они... Они недавно погибли...» – раболепно пробасил лидер. – «Две недели назад их завалило камнями во... во время...» – судорожное сглатывание – «Во время добычи руды их погребло заживо.» – запинался и заикался мужчина.

Кён бессильно осел на колени. Его руки дрожали, за ледяной маской невозмутимости таились потрясение и шок. Он специально не прочитал документы до конца, боясь увидеть там то, что услышал теперь. Худшие ожидания оправдались...

Напряжённое молчание длилось с минуту. От принца исходила очень плотная аура скорби, от которой неуютно становилось даже повидавшим всякое зрителям. Не будь он уродом, они бы даже испытали к нему жалость.

Сирота поднял пустой взгляд: «Покажи, где это случилось.» – вяло прошелестел он.

«С... Следуйте за мной, господин...» – тихо ответил Курт и зашагал вглубь шахты.

Пройдя многочисленные туннели с множеством поворотов, лидер рабов привёл важного гостя к полностью заваленному проходу. Совершенно очевидно, что попавшие под обвал бедняги погребены заживо без единого шанса на выживание.

Кён подошёл к камням и бездумно начал сгребать их в сторону.

Контролёр осмелился заговорить: «Ваше высочество, остановитесь, здесь всё может окончательно обрушиться, туннель и так едва держится!»

Лавр прекратил делать глупости и мрачно склонился над камнями, ставшими могилой для родителей, которых у него никогда не было. Его угнетали мысли о судьбе Остапа и Лидии. Последние полгода жизни для них наверняка тянулись сущим адом: родители в одночасье потеряли свободу и единственного сына, которого с любовью воспитывали четырнадцать лет. Они понимали, что слабый мальчишка в шахте долго не протянет, что, опять же, давило тяжким грузом на их сердца. Несчастные тяжело трудились длительное время, постепенно погружаясь во мрак отчаяния, и вот, когда до прибытия сына, до свободы и счастливой жизни оставалось всего лишь две недели, они трагически погибли. Судьба оказалась слишком

жестока к простым добрым людям, влачившим далеко не самую лёгкую нищенскую жизнь. Кён опоздал.

После минуты молчания, чуть ли не плачущий Лавр ощутил исходящую из души ненависть. – {Ты... опять её возненавидел?} – спросил он себя. – {Кён, она отняла две дорогие тебе жизни, так пусть вернёт их обратно. Только так ты рассчитаешься с ней. Нет смысла оставлять без матери и своего ребёнка.} – после этой мысли внезапно накотивший гнев постепенно утих, пока не исчез полностью.

Парень поднялся, отряхнул руки и заглянул в документы, затем коротко бросил лидеру рабов: «Проводи меня к Семёну Абдулловичу.»

«З-зачем?» – спросил одноглазый мужчина, заикаясь от страха.

«Сдохнуть захотел?! Выполняй, а не лясы точи!» – рявкнул Кён.

Курт испуганно задрожал, поспешно извинился и повёл гостя к бывшему надзирателю Остапа. По спине Лидера стекал холодный пот, а ноги громилы подкашивались от страха.

Лавру хотелось выяснить как можно больше о жизни родителей бывшего владельца своего тела. Пусть из души шли жалобные импульсы, просящие этого не делать (видимо, Кён не желал слышать, как они страдали), парень настоял на своём.

Вскоре юноша увидел группу из 10-ти человек: «Дальше я сам, ждите меня у поворота.»

Два контролёра и три раба повиновались. Курт почему-то колебался.

Кён подошёл к надзирателю с меткой на лбу: «Твоё отчество?»

Увидев гостя в благородных одеждах, мужчина ответил со всем уважением: «Абдуллович, господин! Чем могу быть полезен?»

Работающие неподалеку рабы прекратили добывать руду и с интересом стали наблюдать за необычным в их жизни событием.

«Семён, как так вышло, что две недели назад твоего подчинённого Остапа завалило камнями, а ты при этом целехонек?» – в бесцветном тоне толстяка сквозила смертельная угроза.

Однако вместо испуга мужчина озадаченно почесал затылок: «Господин, с тех пор, как меня назначили надзирателем, в моей группе никого не заваливало камнями!»

Из группы рабов робко вышел жилистый старик в изорванном запыленном тряпье: «Господин, Вы говорите про Остапа Петровича?»

Надзиратель сердито погрозил дураку кулаком, как бы намекая, что тот легко не отделается за свою инициативность.

«Ты его знал?» – мягко спросил Кён.

«Да... Он был моим другом.» – устало прохрипел раб.

«Амос, следуй за мной.» – приказал Лавр, узнав имя по метке на лбу.

Старик с парнем отошли подальше от лишних глаз и ушей.

Кён дал изнеможённому рабу бутылку воды.

Амос жадно её выпил, с уважением взглянув на своего благодетеля: «Господин, могу я узнать, почему Вы интересуетесь Остапом?»

«Потому что хочу искупить грехи перед богиней за свою новоиспечённую жену, по пустяку засадившую в шахты невинную семью.» – юноша решил ответить полуправдой. – «Расскажи мне подробнее про Остапа и его родню. Говори всё, что знаешь.»

Старик был тронут. Есть же в этом проклятом мире добрые люди! Однако поняв, что имеет дело с принцем, сильно занервничал, долго подбирая слова...

«Не стесняй себя выражениями, забудь про уважение. Я не тот человек, который обратит внимание на такие пустяки. Просто рассказывай всё, что знаешь о своём друге.»

Амос вздохнул полной грудью и начал рассказ.

В первый же день, когда в шахте появились Лидия и Остап, поднялся тот еще переполох: женщин никогда не берут в шахты рабами, ведь они слабые, а мужики из-за них будут терять силы и голову. Курт сразу заприметил её и прибрал к рукам, однако её муж отчаянно пытался защитить жену, за что его серьёзно избили. Ему чудом удалось оправиться в лечебнице. Освободившись, он начал подговаривать остальных рабов сместить лидера, обещал им всякого, но в итоге никто не согласился. Отчаявшийся мужчина даже не мог встретиться с собственной женой, потому что она всё время находилась в комнате лидера... Тот её не выпускал, берёт, как своё имущество.

Амос познакомился с Остапом, потому что сочувствовал ему. Он полагал, что если не поддержит бедолагу, то тот сгинет от горя. Так они и подружились. Оказалось, что мужчина –

очень добрый, скорее даже наивный человек, очень любящий свою «чудесную и драгоценную Лиду». Он так и не отказался от идеи освободить её, поэтому продолжал попытки. В один из дней он прилюдно в центре гостиной заключил сделку с лидером. Курт пообещал отдать ему жену, если тот выкупит её за 100.000 рупий. С тех пор Остап трудился без устали, убивая своё и так подорванное из-за душевных терзаний здоровье. Примерно месяц назад, в день выдачи зарплаты, один из прихвостней лидера симитировал падение якобы из-за толчка Остапа, потребовав у того компенсацию за «вывих» плеча. У бедняги, чьим единственным и самым заветным желанием было вернуть себе свою возлюбленную, отобрали все деньги, заработанные потом и кровью за пять месяцев усердного труда.

Остап сразу же выдвинул обвинения Курту за то, что он всё подстроил, но его снова избили до полусмерти. Почти все рабы были на стороне страдальца, но никто не выступил против, боясь лидера и его могучих прихвостней. Многие по доброте душевной кормили покалеченного, отдавая ему свои порции еды, но мужчина, казалось, полностью потерял волю к жизни. Он так и не оправился. Осунулся, подолгу смотрел в никуда немигающим взглядом, а утром, примерно через неделю, тихо скончался.

На следующий день лидер пришел на проверку с выцарапанным глазом, а у него из комнаты вынесли мёртвую Лидию. Женщина покинула этот мир от рук Курта, пытаясь отомстить за смерть мужа.

Амос внезапно запнулся. От принца исходила пугающая давящая аура, проникающая в самую душу и будто затягивающая её в недра ада.

Некрасивый юноша процедил сквозь крепко сжатые зубы: «Остап что-нибудь рассказывал о своём сыне?»

Амос кивнул и ответил, что все рассказы Остапа о прошлом всегда сводились к своему единственному любимому сыну. Что его Кён – скромный, неразговорчивый и нелюдимый мальчик. При общении со сверстниками его взгляд неизменно падал в пол, а при общении с девушками у него дрожали коленки. Единственные люди, с которыми он общался и которых любил, были его родители. Но это совсем не важно. Мужчина с улыбкой до ушей любил повторять, что: «Мой сын очень милый, проникательный и, несомненно, весьма одарённый!» Кён мечтал стать великим архитектором, постоянно просил маму и папу сводить его куда-нибудь, где были возведены шедевры архитектурного мастерства, выпрашивал деньги на линейки и бумагу, чтобы заострённым углём рисовать свои первые чертежи. Судя по всему, у него очень хорошо получалось. Остап возлагал на сына большие надежды, копил деньги, чтобы отправить его в элитную школу, но вскоре его вместе с женой арестовали и отправили в шахты. С тех пор родители не видели своё чадо, хотя и знали, что он, хилый и немощный, трудится в другой шахте. Мужчина догадывался, по какой причине их схватили: Кён часто изъявлял желание посетить дворец, чтобы изучить его планировку, но, раз за разом получая осторожные отказы, решил посмотреть его самостоятельно...

Когда Кён уже хотел закончить тяжелый для него разговор, Амос вдруг выпалил: «Кстати, я совсем забыл сказать! Остап как-то обмолвился, что мальчик приёмный! С самого младенчества неизвестно кто оставил его возле входной двери с мешочком денег и медальоном на шее...»

У Кёна округлились глаза. Он изумленно молчал.

«Остап рассказывал, что Кён почему-то всегда дорожил этим медальоном. Уходя из дома, всегда оставлял его отцу, боясь потерять. В общем, безделушку эту я не видел, но он сказал, что смог пронести её в шахту... Правда, он решил оставить её у Лидии...» – закончил раб.

Кён похлопал старика по плечу и коснулся его лба: «Спасибо, Амос. Только что ты обеспечил себе безбедную жизнь.» – оставив ошеломлённого раба недоуменно хлопать глазами, он направился к выходу.

Снаружи парень встретил только контролёров. Он бездушно спросил: «Где те трое?»

«Ушли куда-то, господин...»

«Дай мне зеркальце-поисковик.» – ровным голосом приказал Кён.

Через минуту парень с ноги выбил каменную дверь, ведущую в комнату лидера.

Три бледных здоровяка смотрели на ворвавшегося, как овцы на волка. Они только надеялись, что те два человека были не настолько важны, чтобы принц стал тратить время на поиск трёх жалких рабов!

Кёна охватила ярость, какую он не испытывал даже к Юноне за тот случай на источнике: «Где медальон?» – его низкий голос прозвучал опаснее, чем шёпот смерти.

Курт достал что-то из тумбы: «В-вот, г-господин...» – он протянул парню серебряный медальон.

Лавр бережно положил его в карман. Его тело на мгновение расплылось в воздухе.

Курт и прихвостни и моргнуть не успели, как увидели в руках принца что-то алое, плещущее кровью и судорожно содрогющееся. Два раба по бокам от лидера с ужасом посмотрели на дыры в своей груди в области сердца, затем с померкшими взглядами обмякли.

«АА-АА-АА-А-АА-ААА-АА! НЕ УБИВАЙТЕ!» – провизжал полностью потерявший самообладание Курт. У его прихвостней вырвали сердце! Что за ужас во плоти этот принц?!

«Сдохни в муках.» – Кён безжалостно вставил три иглы в тело лидера и влил Синергию.

Из горла мужчины доносился неразличимый хрип. Спустя минуту пыток шоковой терапией, при которых даже несгибаемая Валира сломалась и выдала все секреты, мужчина умер от разрыва сердца. На его лице застыло выражение неопишуемого ужаса, граничащего с

безумием.

Кён покинул шахту и сел на край скалы, свесив ноги. Его не волновали высота, штормовой ветер и холодный дождь. Скорбь охватила его душу. Впервые Лавр ощущал это чувство настолько явственно, что разрывалось сердце. Приёмные родители разделяли амбиции скромного мальчика, желали ему счастья, возлагали на него надежды, собирали деньги на обучение... Но судьба, безжалостная тварь, попросту раздавила их: разделила с ребёнком, затем друг с другом, и напоследок жестоко убила, даже не оставив возможности подобающе их похоронить.

Тоска шла бок о бок с сочувствием к прошлому владельцу тела. По щекам парня стекали горячие слёзы, смешиваясь с ледяными каплями дождя. Впервые в жизни Лавр по-настоящему плакал. Потерять любимых родителей – это худшее бедствие из возможных...

Когда слёзы унесли скорбь, Кён вынул серебряный медальон. Парень с неверием взгляделся в изображённый на нём знакомый герб.

<http://tl.rulate.ru/book/16292/691597>